

Ольга Видова

16+

НАТАША

ЛитРес:Самиздат
Москва

Ольга Видова

Натasha

«Автор»

2019

Видова О. А.

Наташа / О. А. Видова — «Автор», 2019

Все мы мечтаем достичь в жизни чего-то большего. Это касается не только карьеры, благосостояния. Хочется взаимной любви, крепкой дружной семьи. Многие желают иметь здоровых умных детей. Для кого-то главным является материальное благополучие. А вот добиваться желаемого люди пытаются разными методами, исходя из своих способностей, талантов и моральных принципов. У каждого своя правда и смысл жизни. О сложных взаимоотношениях родных, но порой далеко не близких людей, о чужих, ставшими вдруг самыми желанными и бесконечно дорогими, о любви и дружбе, об алчности и корысти, которые повлияли на судьбу простой девочки, девушки, женщины вы узнаете из этой книги ...

© Видова О. А., 2019

© Автор, 2019

Глава 1 . Беззаботное детство

Девочка с двумя пушистыми хвостиками на макушке потихоньку склонилась над низкорослой полевой ромашкой. Малышка затаила дыхание и боялась пошевелиться. Прямо перед её носом на лепестки цветка уселась большая пестрая бабочка с блестящими круглыми глазками. Слегка двигая усиками, как крошечными ниточками, она своим носиком-хоботком как бы что-то вынюхивала в желтой серединке этого маленького солнышка с беленькими лучиками. Крылатая красавица была розового цвета, который переливался в лучах яркого солнышка и порой превращался в фиолетовый. По краям крылышек расположились беленькие и жёлтенькие точки, похожие на кружево.

– Лови её быстрее ... – услышала совсем рядом Наташа голосок Оленьки.

Насекомое вспорхнуло и вмиг перелетело на другой цветок. Подружки запищали и пустились вдогонку. К ним присоединились и остальные дети. Но бабочка почему-то с ними играть не захотела и улетела подальше. Это детей не очень расстроило. Оксанка влезла на лавочку и, взмахивая ручками, прыгнула вниз :

– Я бабочка !

– А я птиська! – запищала Олька.

Только Олежек, прыгая вниз, считал себя самолётом. Он гудел, расставляя в стороны руки-крылья, потом бежал по кругу и возвращался к лавочке.

Наташа, сопя и крепко стиснув зубки, уже лезла на деревянный забор для того, чтобы прыгнуть с него во двор. У неё это не сразу получилось, потому что озорница хитренько и с опаской поглядывала в распахнутое окно. Её могла увидеть мама, которая запрещала дочери это делать. Ведь малышке ещё не исполнилось и трёх лет. Наконец Наташа вскарабкалась на штакетник. Она ещё раз посмотрела в окно и, убедившись, что мама на неё не смотрит, полетела в палисадник. Долететь до земли на этот раз у неё сразу не получилось. Коротенькая пушистая юбочка кружевом зацепилась за острый колышек и девочка повисла на заборе попой вверх.

– Ой ! Натаска висит! – завопила Олька.

Дети побежали к калитке, чтобы помочь своей подружке. Они не успели. Подол платьяца порвался и девочка плюхнулась вниз, упёршись лбом в шершавый ствол вишни.

– У тебя платье порвалось, – заметила Оленька.

– Зашьётся! – поднимаясь с коленок и почёсывая лоб ответила Наташа.

– И сыска на голове, – добавила Оксанка.

– Пройдёт, – сказала девочка, а сама с опаской снова посмотрела в окно.

Мама не выглядывала. Это хорошо. А боль можно и потерпеть.

На локтях и на носу у девочки постоянно были царапины и ссадины, на лбу шишки. Наташа никогда не плакала. Она как зверёныш рычала от боли, когда раны ей мазали йодом или зеленкой, но в глазах не было ни слезинки. Родители девочку любили, но старались как можно меньше показывать своё беспокойство по поводу её постоянных падений и мелких шалостей. Они понимали, что дочь хочет как-то самоутвердиться, сделать всё по своему, почувствовать себя самостоятельной. Это у Наташи получалось. По вечерам к малышке приходила вся окрестная детвора. После детского сада они играли около её дома. Частенько мама угощала друзей дочери чем-то вкусненьким. Дети с удовольствием налетали на ещё тёплые пирожки, на конфеты и фрукты. На свежем воздухе всё это казалось очень аппетитным и исчезало мгновенно.

Во многих играх детей принимал участие и папа Наташи. Он был директором пищекомбината. Два года назад ему предоставили в этом городе квартиру от райкома партии. Вернее не квартиру, а полдома с приусадебным участком. Он совершенно случайно получил эту работу. Раньше в своём родном совхозе работал управляющим отделения. Его хотели утвердить директором, но теща настойчиво стала звать к себе в город жить вместе с ней.

– Я пожилая одинокая женщина. Мне нужна помощь и поддержка. В деревню я не поеду, а вы и тут работу найдёте, – уверяла она.

При увольнении у молодого человека грозились забрать партбилет, который в то время имел большое значение. Ведь шёл 1979 год. Но Николай всё-таки решился на переезд. Ему нравился этот уютный городок на Дону. Там жили его двоюродная бабушка и друг детства. Коля сразу пошёл работать слесарем на гидроузел, и его жена Мария тоже решила трудоустроиться. В школе учителя начальных классов не требовались, но совсем рядом находился пищекомбинат.

« Там ведь и конфеты делают, – подумала Маша, – а заворачивать их в фантики я уж точно научусь». И пошла устраиваться.

– Нет, женские руки нам сейчас не нужны, – ответили ей там, – вот агронома бы нам найти хорошего.

– А у меня есть такой агроном, – заявила девушка, – если хотите, завтра придёт.

На следующий день Николай с документами пришёл в пищекомбинат. До службы в армии молодой человек получил диплом агронома, потом окончил Высшую партийную школу. К тому же у него имелся стаж работы на руководящей должности. Видимо, и членство в КПСС сыграло какую-то роль. Его сразу приняли, а через три месяца дали квартиру. Николай Васильевич умел работать с людьми, легко и уверенно выступал на собраниях. В коллективе его уважали. Не прошло и полгода, как он стал партторгом, а спустя год был назначен директором.

Мария отдала Наташеньку в ясли, а сама пошла в техникум работать библиотекарем. По специальности устроиться не удалось. Ведь в городе было педучилище, и каждый пятый или десятый житель имел педагогическое образование.

Наташа росла умненькой смышлёной девочкой. Говорить начала в десять месяцев, а в годик уже рассказывала стихотворения Агнии Барто, Сергея Михалкова, Корнея Ивановича Чуковского, Самуила Яковлевича Маршака. Болтала постоянно. Иногда казалось, что произносит всё это девочка неосознанно, потому что между стихотворениями просто продолжала лепетать. Выглядело это забавно. В ясельках её хвалили. Ведь многие ровесники ещё даже «Мама» не произносили. В два года девочку перевели в младшую группу детского сада. Она так много говорила, легко запоминала и воспроизводила наизусть новые стихотворения, что в ясельной группе её решили не оставлять. При подготовке к утренникам часто проводили репетиции. Наташенькина головка всё записывала, как на магнитофонную ленту. Каждый вечер, приходя домой, девочка, шагая вокруг стола, повторяла то, что услышала в детском саду. Она рассказывала все стихотворения, которые читали дети, перед этим называла имена и фамилии ребятшек, делала малышам замечания с разной интонацией:

– Петя, вынь палец изо рта!

– Даша, не болтай ногами!

– Саша, не вертись !

Маша всегда знала, на какой утренник она пойдёт, как к детям обращаются воспитатели, кто больше всех балуется.

К бабушке Ане Наташа ходить не любила, да и сама бабушка не стремилась к общению с внучкой, У неё был другой любимец Васенька – первенец старшей дочери. Не могла Анна любить всех. Не хватало на это у неё сил и энергии, тепла и доброты.

Не за долго до того, как пригласить жить вместе Марию с семьёй, мать позвала к себе в город старшенькую дочь. Из двух дочерей Анна всегда выделяла Зиночку. Она была долгожданным ребёнком в семье. Первыми у Анны родились двойняшки, но они не прожили и месяца. Потом долгие девять лет Андрей и Анна жили в ожидании чуда. За это время отношения супругов разладились. Были частые скандалы, драки. Андрей начал пить, а Анна всегда отличалась скверным характером. Но вот это чудо произошло. Родилась прекрасная девочка. Родители были рады, хотя семейные отношения от этого не улучшились. А когда Зиночке

исполнился годик, Анна поняла, что снова беременна. Этот ребенок в её планы не входил никак. Муж пьёт, быт совсем заел. Но срок большой, и аборт делать поздно. Ведь ребёнок должен родиться через четыре месяца. Анна всё равно решила избавиться от плода. Она поднимала тяжёлые грузы, пила какие-то настойки, но это не помогло. Родилась ещё одна девочка, которую мать так и не смогла полюбить. Нежеланная малышка стала для женщины обузой. То ли дело Зиночка – дорогая, любимая, долгожданная. Ей и первый лакомый кусочек, и доброе слово и лучшие наряды.

Хотя девочки росли внешне очень похожими друг на друга так, что даже близкие люди их часто путали, для матери Машка всегда оставалась гадким утёнком. Дочь верила маме и тоже считала, что старшая сестра во всём гораздо лучше неё. Когда знакомые говорили Маше, что она милее и умнее Зины, девочка думала: «Врут. Этого не может быть!» Анна всегда восхищалась тем, что делала старшенькая, а успехам младшей никогда не радовалась. Всё-то у Марии получается легко. И училась прекрасно, и на работе её почему-то хвалят. А вот к Зиночке всегда учителя придирались, ставили слабые троечки и в школе, и в техникуме. Разве это справедливо? Вот и решила взять старшенькую дочь в город. Хватит ей в деревне коровам хвосты накручивать!

– Квартира маленькая, – говорила Анна Зинаиде, – но в тесноте – не в обиде.

А получилось, что в тесноте мира не бывает. Зина с мамой стали плохо ладить. Анне мешал детский шум, множество тягостных хлопот, да и зять. Молодая семья ушла от мамы на квартиру. Общались редко. Были обиды друг на друга. Маша часто получала от матери и сестры письма. Обе жаловались. У каждой была своя правда. Вот тогда мать стала звать к себе младшую дочь. Жить вместе с Машинной семьёй долго не пришлось. Но от лишних хлопот Анна всё-таки устать успела и была рада, что снова осталась одна. К тому же дочь теперь жила совсем близко и каждый день забегала навестить свою мать. Она приносила продукты, немного помогала по дому. Наладились у Анны и отношения с Зиночкой. Бабушка частенько забирала к себе Васеньку. Ведь у старшей дочери родился второй сын, которого назвали Серёжей. Оба зятя тещу не устраивали. Они мало уделяли ей внимания. Женщина постоянно указывала дочерям на недостатки их избранников. Спорить с матерью Маша с Зиной не хотели. Знали, что это бесполезно. Любое несогласие с её мнением вызывало у Анны гнев.

У Николая на работе всё ладилось, и он всё меньше времени уделял семье, стал считать себя выше домочадцев. Перестал помогать жене в домашних делах. После работы ужинал, ложился на диван и смотрел телевизор. Мария решила поговорить об этом:

– Коля, почему каждый вечер, придя с работы, ты лежишь на диване? Я ведь тоже работала, но отдыхать, как это делаешь ты, мне некогда.

– Солнышко, – лениво потягиваясь, отвечал муж, – а чем я могу тебе помочь? Ведь это всё женская работа.

– Ну да, – с иронией в голосе сказала Маша, – готовить еду – ведь это женская работа?

– Конечно, – уверенно поддержал её супруг.

– Мыть посуду, стирать, гладить, убирать – это тоже женское дело!

– Да, – подтвердил он, – милая моя, я ведь не виноват, что так устроен мир.

Мария развела руками, вздохнула и пошла выполнять женскую работу. Она понимала, что чувства мужа к ней изменились. Он, наверное, больше не любит её. Живёт рядом так, по инерции – ведь семья же. Внешне Маша очень изменилась. Она сильно похудела. Раньше кожа на лице была нежной, бархатной, с лёгким румянцем на щеках. Ярко выделялись голубые с зеленоватыми лучиками глаза с пушистыми длинными чёрными ресницами. Она никогда не красилась, не пользовалась косметикой даже на собственной свадьбе. Теперь кожа потемнела, покрылась пигментными пятнами, глаза потускнели. А ведь после замужества прошло только три года.

«Нужно что-то менять в себе», – думала Маша. Она стала приобретать косметику, но муж выбрасывал тени и тушь в печку.

– Ты мне нужна такая, какая есть, – говорил он.

Не любил Николай, когда женщины красятся, а мужчины выпивают. Сам он спиртным не увлекался, но в застольных мероприятиях ради сплочения коллектива мог поднять тост, выпить одну-две рюмочки, не больше. Однажды после демонстрации и митинга на 9 Мая в пищекомбинате собрали застолье. Вместо всегда используемой водочки цеховики выставили на стол мандариновую и апельсиновую эссенцию. Это сладкий концентрированный сироп, разбавленный спиртом. Пьётся легко, вкус приятный, и сразу не поймешь, что это спирт. Вот и поднял на этом застолье Николай Васильевич не одну и не две рюмочки. Вкусно и вроде не пьянит сразу. И люди-то вокруг такие хорошие...

А потом он обнаружил, что лежит в чужой постели, в чужой комнате. Вокруг темно. Рядом кто-то храпит. Молодой человек быстро вскочил, ощупал себя – одет.

– Фу, полегчало!

Николай посветил себе зажигалкой. На кровати лежал муж главного бухгалтера. Потихоньку открыв дверь, вышел в коридор, нашёл свои туфли, пиджак. Схватив всё это, он быстро, как воришка, выскользнул на лестничную площадку. Там обулся, оделся и вышел на улицу.

Примчался Николай домой, стучит в дверь – никто не открывает. Шуметь громко не хочет, чтобы соседей не разбудить. Знает, что внутреннего замка нет. Там только крючок. Поднатужился Николаюшка да и дёрнул дверь за ручку. Ура! Повезло! Ручка выдержала, а крючок сорван. Мария с дочерью лежали на кровати. Дочь спала. А жена, он понял, не спит – только притворяется.

Она действительно не спала. Ждала, что муж, как виновник происшествия, извинится, объяснится, расскажет, что произошло. Но, во-первых, он и сам не знал, что произошло. Во-вторых, не чувствовал себя виноватым. А в-третьих, это она много на себя берёт – мужу дверь не открывать! Пыхтя, как паровоз, он пошёл в другую комнату и лёг на диван.

Наступило утро. Николай вышел на кухню. На столе завтрак. Он молча сел, поел. Так же молча надел свежую рубашку. Подходит к Марии, протягивает ей запонки и руку с оттопыренной манжетой. Девушка без слов вставляет запонки. Супруг молча подаёт галстук. Маша, не глядя в лицо Николая, машинально завязывает галстук и поворачивается к дочери. Та хитренько подглядывает из-под одеяла, думает, что это у родителей игра такая. Хлопнув дверью, молодой человек с гордым видом ушёл на свой пищекомбинат. Марии на работу к одиннадцати. Она отводит Наташеньку в детский сад и торопится в техникум. По пути на глаза попадает вывеска «Суд». Раньше молодая женщина сотни раз проходила мимо, не задумываясь. А теперь её будто пронзило: «Это то, что мне сейчас нужно, – подумала она. – Зачем мне такой муж? Самолюбивый, заносчивый. Мы с Наташенькой и без него проживём».

Подала Маша заявление на развод, а потом преспокойно, с облегчением пошла на работу. Вечером, поужинав, Николай отправился молча смотреть телевизор. Наташа прыгает вокруг него на диване.

– Не мешай папе смотреть футбол, – говорит он, – я устал и хочу отдохнуть.

Двухлетняя девочка спрыгивает с дивана так, чтобы подол платья раскрылся парашютиком.

– Колокольчик это, – смеясь произносит она и крутится вокруг себя, пока не садится на пол.

Мария уже не нервничает. Зачем добиваться внимания от мужа? Ведь скоро желанный развод.

– Наташа, помоги мне лепить пирожки, – зовёт она дочь.

Девочка с визгом подбегает к столу и лезет на стул. Играть с тестом ей нравится.

Утром глава семейства выходит из дома, ещё не зная, что от него решили освободиться. «Жена должна уважать мужа, на то она и жена», – думал он.

«Лучше никак, чем так, – решила Маша. – Развод и девичья фамилия – вот выход из этого положения».

С этими мыслями они идут на работу. Но молодого человека там ждёт сюрприз – повестка в суд. Узнав о причине вызова в это злополучное заведение, удивился и помчался к жене. Такого поворота событий он никак не ожидал. Не пил, не бил, не изменял...

– Что это? – с широко раскрытыми глазами спросил Николай.

– Я подала на развод.

– Это только из-за того, что я один раз пришёл поздно? Так я всё объясню.

– Не надо ничего объяснять, – говорит Мария, – так будет лучше для всех. Воспитывать друг друга у нас не получится. Я не хочу тебя переделывать и сама меняться не буду.

– А дочь? – побледневший Николай не находил слов.

– Вот ради дочери я это и делаю. Пока мы ещё можем общаться спокойно, без ссор, истерик. Запрещать видаться с дочерью я не буду, на алименты не подам. Да ты не переживай – живи и радуйся. Ты парень молодой, перспективный. А будешь холостой – новые возможности появятся.

– Ну, напился я в первый раз, уснул прямо на работе, а бухгалтерша с мужем отвезли меня к себе домой. Поехали – она всё подтвердит.

– Нет, я не из-за этого. Ты по своей сути – начальник. Но я не подчинённая.

С этими словами Мария закрыла перед носом мужа дверь и пошла работать. После работы она, как всегда, отправилась в детский сад за дочерью, но там девочки уже не было.

– Папа Наташеньку забрал, – услышала она от воспитательницы.

У дома стояла чужая машина. На кухне Машу ждал накрытый стол и гости. Муж пригласил главного бухгалтера. Как бы в шутку начали рассказывать, как Николай Васильевич после праздничного застолья немного задремал. А они взяли его под белые ручки – и к себе домой. Пусть проспится. Утром проснулись, а его и след простыл. Только галстук и остался.

– Давайте сядем рядом да поговорим ладком, – сказал муж бухгалтерши, доставая из кармана коньячок.

– Спасибо, я не пью, – перебила его Мария, – но вы садитесь, угощайтесь. Николай Васильевич вам компанию составит. А мы с Наташей пока в магазин ходим, – потом взяла дочь за руку и вывела из дома.

Когда через час мама с дочкой вернулись домой, никаких гостей уже не было. Стол чист, муж трезв. Он взял из рук жены сумку с продуктами и стал раскладывать всё по местам.

– Что с тобой? Ведь это женская работа, – удивилась она.

– Ну, я просто дурака валял, – пытался оправдаться муж, – дала бы мне подзатыльник и сказала, что надо сделать.

– Подзатыльники никому давать не собираюсь. Ты сам должен знать, какая помощь от тебя требуется.

– Ну давай мириться, – по-мальчишески, с ноткой вины говорит он, – ты же знаешь, что я тебя люблю, и Наташу тоже люблю.

– А я тебе не верю и, кажется, не люблю уже.

– Полюбишь и поверишь снова. Я тебе обещаю, – уверял Николай.

– Не получится, – тихо сказала Мария.

– У тебя кто-то есть? – от волнения ему, казалось, воздуха не хватало.

– Не переживай, никого нет и не предвидится, но нам лучше развестись, – холодно про-должала Маша.

– Нет, я никогда не уйду и развода не дам, – насупился молодой человек.

– А что такое развод? – заглядывая в глаза папе, спросила дочка.

– Это плохое слово, – ответил отец, – его повторять нельзя.

– А когда я замус выйду? – не унималась девочка.

– Ты сначала вырастешь большая, а потом пойдёшь жить к своему мужу, только сначала нужно свадьбу сыграть, – пытался, улыбаясь, объяснить что-то двухлетней девочке папа.

– Я знаю. На свадьбе подалки далят, – садясь на трёхколёсный велосипед, заявила малышка. – Я за Мису Казасенко замус выйду. Мы возьмём подалки и поедем к нему иглаться.

Наташа помахала родителям рукой и укатила на велосипеде в другую комнату. Родители засмеялись. Ушли куда-то обиды, недопонимания. Мария почувствовала, что они одна семья. И это главное. Муж крепко обнял её.

– У нас всё будет хорошо. Прости меня. Ты можешь. Я знаю, – шептал Николай.

– А я кушать хочу! – закричала из соседней комнаты Наташенька.

– А что ты будешь есть? – поинтересовалась Мария.

– Яичко!

– Какое? Варёное или жареное? – спросила мама.

– А как это?

– Варёное, – объясняет папа, – когда его в скорлупе бросают в воду и оно там кипит. А потом вынут целенькое, разобьют, очистят скорлупу. А яичко – нате, кушайте.

– Ага. А жаленое? – допытывалась девочка.

– Это когда на сковородку наливают масло, потом сырое яйцо разбивают, выливают на горячую сковороду, а шкурки-скорлупки выбрасывают, – говорит Маша.

– Буду, – соглашается дочка.

– Какое? – уточняет папа.

– Жаленое на сковородке со школками, – сделала заказ Наташа и снова уехала на своём велосипеде.

Получилось, что своей непосредственностью девочка помирила родителей, помогла сохранить семью. Мария и Николай, забыв о былой размолвке, посмеиваясь над выходками дочери, вместе с удовольствием накрывали на стол. Молодой человек понял, что никакая работа не может заменить дорогих ему людей. Семья – вот для кого он должен жить.

Его будто подменили. Домой стал приходиться рано, забирал из садика дочку, потом готовил ужин и стол сервировал к приходу жены. Часто занимался уборкой квартиры, даже полы мыл. В одном не хотел уступать жене – не давал ей пользоваться косметикой. Как только в доме появлялась тушь для ресниц или какие-либо тени – всё это сразу исчезало в печке. Справиться с мужем Мария не могла. Он, конечно, сильнее. Тогда она стала бросать в огонь то, что для мужа было дороже всего – рыболовные снасти. Ведь он был заядлым рыбаком и готов был сидеть с удочкой у проруби даже в самые морозные дни.

Дождётся Маша, когда муж уйдёт подальше от кухни, потом открывает конфорки в печи, берёт что-то из рыболовных принадлежностей, а затем зовёт мужа, дразня его тем, что держит в руках. Николай, понимая, что сейчас произойдёт, бежал к жене. А та на глазах у него бросала всё в огонь. Муж топал ногами, визжал, подпрыгивал. Это больше всего нравилось Наташе. Она тоже визжала от радости и прыгала рядом с папой.

Так семья играла с полгода. Сколько денег было сожжено! Он бросал в печь косметику, а она – его любимые удочки. Наконец он сдался:

– Да крась себя, как хочешь, только оставь в покое мои рыболовные снасти!

А Маша уже передумала пользоваться косметикой. Один раз в месяц она ходила в парикмахерскую и красила там реснички. От пигментных пятен уже давно избавилась с помощью кремов.

Вот только денег в доме постоянно не хватало. Приходилось на всём экономить. Как-то Николаю пришло из райкома партии распоряжение командировать на месяц на строительство моста одного человека от организации.

– Зачем кого-то искать? Я возьму отпуск и сам поеду, – решил директор пищекомбината, – подзаработаю немного.

Но это «немного» показалось ему сказкой. За три недели такой подработки ему выплатили девятьсот рублей! Он и не представлял раньше, что такие зарплаты бывают. Ведь за эти деньги на пищекомбинате он работал бы семь месяцев. На такую зарплату он мог бы достойно содержать семью. И жена может не работать. А Мария была против. За лёгкую работу такие деньги не платят. Здоровье дороже!

Николай всё равно подал заявление на увольнение. В райкоме снова грозились партбилет отнять, но молодой человек настоял на своём.

Вскоре он устроился в «Мостострой». Работа шла вахтовым методом. Десять дней работали, а четыре отдыхали. Ребята по вечерам играли в карты под деньги. На кон ставили копеек по пять, не больше, но играли подолгу. Память у Николая была хорошая, и он всегда знал карты своих противников, поэтому почти каждый раз выигрывал. За десять рабочих дней из-за вечерних игр у него собиралось рублей пятьдесят-шестьдесят. Получалось, что, кроме зарплаты, которая была около тысячи рублей, муж ещё привозил Марии каждые свои выходные довольно приличную сумму. Он настаивал, чтобы жена бросила работу.

– Ты месяц работаешь за какие-то восемьдесят рублей. Больше будет пользы и для Наташи, и для меня, если ты станешь домохозяйкой.

Мария оставила работу в библиотеке, но только потому, что появилась вакансия в школе. Теперь у неё была любимая работа, и зарплата увеличилась в два, а иногда и в три раза.

Вскоре молодая семья купила машину. Теперь Николай часто ездил к своим родителям в гости и возил туда семейство. Наташе нравилось раскатывать в автомобиле и смотреть, как вихрем мимо пролетает несущийся навстречу транспорт. У бабушки Шуры она с удовольствием играла с соседскими детьми, всегда тащила им подарки, сладости. Семья соседей была многодетной. Родители часто пили, не работали. Дети их плохо одевались и даже голодали. Деревенские жители подкармливали ребятшек, иногда давали одежду. Несмотря на жизненные трудности, дети заботились друг о друге, умели дружить и приезде Наташи всегда радовались от души. Бывало, конечно, возникали случайные ссоры. Однажды Наташа с подружками играла в куклы на лужайке перед домом соседей. Над ними решил подшутить старший брат этих девочек – пятилетний Антон. Он и его дружок Петька где-то раздобыли сорочинные яйца и с хохотом стали бросать ими в девочек. Старались попадать по голове. Девчонки пищали, плакали и размазывали желтки себе по лицу.

Когда трёхлетняя Наташка поняла, что происходит, то сразу побежала к своей бабушке. Нет, она и не думала жаловаться.

– Бабушка, где яйца? Где мне взять яйца? – орала она.

– А зачем тебе? – удивилась та, – Они в чашке на лавочке... И что у тебя с волосами?

– Потом, потом! – пыхтя, как паровоз, девочка схватила два яйца покрупнее и помчалась к соседям.

Там мальчики продолжали смеяться над малышками.

– Антошка – вонючая кошка, – запищала Наташа и, словно танк, наехала на мальчишку, повалила его и стала яйцами стучать ему по лицу.

– Вот тебе! Вот тебе! – приговаривала она.

Мальчик от растерянности даже не сопротивлялся. Разбитые яйца растекались по волосам, шее, одежде.

За внучкой следом прибежала бабушка. Она подняла девочку на руки и начала за неё извиняться перед соседями. Но тут вдруг за неё стал заступаться Антон:

– Это я виноват. Я первым яйцами бросался, – заявил он, поглаживая ладошкой свои слипшиеся волосы, – думал, что это весело, а оказалось, не очень.

Потом дети все вместе купались под одним душем. От обид не осталось и следа. Бабушка Шура усадила всех за стол и кормила блинами с мёдом и молоком.

Кроме поездок в деревню Мария с Николаем два-три раза за лето возили дочь к морю. Жили не в гостиницах и не на квартирах. Из вещей в машину собирали только необходимое. Самое главное – это палатка, надувные матрасы и обязательно паяльная лампа для приготовления горячих блюд. Останавливались в кемпингах. По вечерам изучали окрестности, гуляли в парках, посещали аттракционы.

Наташу мама с годика начала обучать чтению. Сначала выучили буквы. Это девочка осилила быстро, и к двум годам она читала по слогам. Делала это с удовольствием. На улице не пропускала ни одной вывески. Когда по вечерам к ней приходили подружки, трёхлетняя девочка брала в руки какую-нибудь книжку с картинками и с крупными буквами, ходила с ней по комнате вокруг детей и громко читала. Это она играла в учительницу. Когда-то мама взяла её в школу, и девочка видела, что Мария ходит по классу и что-то читает, а дети слушают.

Папа научил дочку играть в шашки. Он, конечно, ей немного поддавался, и девочка всегда выигрывала. Каждой своей победе она радовалась так, что это было слышно даже на улице. Однажды Наташа увидела, как папа с мамой играют в шахматы.

– А почему они все в юбочках? – Это она спрашивала о фигурках.

– А почему слон в такой острой шапке? Это что – нос сверху?

– А почему это ладья? Ведь это нога слона, – удивлялась девочка, – всё назвали неправильно. Только конь настоящий. А король – ха-ха-ха – в юбке!

Но играть в новую игру ей хотелось. Сначала папа выставлял девочке все фигурки, а себе – только пешек и короля. Наташа выигрывала. Затем Николай добавил к своим фигуркам слонов, коней... К четырём годам дочь и папа сражались почти на равных. Ещё девочке нравилась игра «Реверси», с удовольствием собирала кубик Рубика.

А считать Наташу никто не учил, разве только в садике. Там воспитатели о ней говорили:

– С какой стороны на неё ни посмотри – везде первая.

В детском саду у девочки было много друзей, и оттуда каждый раз она уходила последней. До дома было всего сто метров. Маша после работы заходила за дочкой, но та всегда просила остаться. Вечером воспитатели отпускали её одну по просьбе мамы. Подходя к дому, Наташа редко входила в калитку. Гораздо интереснее было залезть на забор и спрыгнуть с него во двор. Она обожала чувство полёта.

Всё в семье Марии ладилось. И взаимоотношения с мужем стали хорошими, и дочь росла умницей, и материально молодые были обеспечены. А сестра Маши и её муж в городе устроиться не смогли. Геннадий уехал в близлежащий совхоз работать по специальности и увёз с собой семью. Им дали в деревне квартиру.

Старшая сестра и мама не радовались благополучию Машиной семьи.

«Ведь Зина лучше, – думала Анна, – это она должна жить хорошо! А тут такая несправедливость!»

– Все деньги к тебе идут легко, – злорадствовала Зинаида, – тут пашешь, пашешь – и всё никак! А ты ничегошеньки не делаешь, а добро само идёт к тебе в руки!

– Почему ты так говоришь? – удивлялась Мария. – Я ведь тоже работаю и даже часто в две смены.

– Ну я ведь больше тебя пашу! А ты вышла, поболтала перед детьми, поигралась с ними и получила в три раза больше, чем я! Это что – не так? И Николай тебе кучу денег приносит!

– Зина, отправь и ты своего мужа на такую работу, и он тебе тоже будет деньги приносить.

– Да, будет... Будет пить, как сапожник, и гулять! А мне и на работе, и дома пахать ещё больше.

На самом деле Зине жилось не так уж плохо. Она уже который год подряд ездила в Лазаревское в один и тот же санаторий за свой счёт. Вернее – за счёт Марии. Деньги для поездки

каждый раз занимала у сестры, а потом отдавала в течение года по десять–пятнадцать рублей в месяц. Но вся эта оплата оканчивалась через полгода. Мария скрывала от мужа такую наглость и обычно оплачивала остальную сумму сама.

И Анна в ушербе не оставалась. Понравится ей какой-нибудь ковёр, пылесос или стиральная машина, она сразу же с укором говорила Марии:

– Вот если бы были деньги у Зиночки, она обязательно бы мне это купила.

Приходилось всё это приобретать для неё. Это были и куртки, и платья, и постельное бельё... Маша часто делала такие покупки втайне от мужа. Но родственникам всегда казалось этого мало. Старшей сестре было просто необходимо всё отнять у Марии. Как говорится, из зубов вырвать. Ведь она не заслуживает всего того, что имеет. Это из-за неё Зине живётся плохо. Она всё везение себе забирает. Об этом частенько говорили между собой Анна и её старшая дочь. Они были просто уверены, что Зина станет жить лучше, когда у Марии будут неприятности. Эта зависть порой переходила в открытую ненависть.

А дети Зинаиды любили бывать в гостях у тёти Маши. Там всегда вкусно кормили, у Наташи было много игрушек. По вечерам приходили соседские ребята и уходили поздно, когда за ними приходили родители. Было весело. Зина часто привозила своих детей к Анне на одну-две недельки. Детям у бабушки жилось не очень сладко. Особенно младшему – Серёжке. Василий постоянно обижал маленького братишку. Почти всё, что брал в руки малыш, моментально забирал старший брат и в добавок бил чем попало по голове, спине, рукам со словами:

– Не трогай! Это моё!

Бабушка всегда поддерживала только старшенького внучка и за младшего внука никогда не заступалась. Когда Серёжа, побитый старшим братом, без игрушек сидел на полу и плакал, Анна, посмеиваясь, ему же и высказывала, что он должен подчиняться, уступать, потому что старших нужно слушать.

– Сам виноват! – утверждала она. – Зачем брал Васечкины игрушки? Ведь это ему покупали, а не тебе! Ты лучше подойди и попроси у брата.

На просьбы поделиться игрушками старший братец опять отвечал кулаками. Он знал, что бабушка его за это ругать не будет. Малыш тихонько уходил в сторонку и начинал играть тем, что не нужно было брату. Вася опять возмущался. Ему было скучно.

– Баба, – орал он, – а Серёжка со мной не играет!

Бабушка опять ругала младшенького. Любимый внучек Васенька, по мнению Анны, был всегда прав, и все остальные должны ему уступать, играть только по его правилам. Серёжа просился отвести его к Наташе, и бабушка с удовольствием отпускала детей по вечерам и на выходные к младшей дочери. Там Василий тоже выбирал себе лучшие игрушки и охранял их от других детей. Но Наташе с младшим братишкой и так было весело.

Как-то стала Мария детей спать укладывать, а Василий, которому было уже четыре года, говорит ей:

– Я с тобой спать буду!

– И я с тобой, – заявляет дочь.

«Как бы мне Серёжу уложить отдельно?» – думает Маша.

Отвела она младшенького в другую комнату.

– Посмотри, какой тут мягкий, большой диван! Тут так хорошо! Куда хочешь – рука, куда хочешь – нога! Будешь спать, как барон. А мы втроём ляжем на том диване. Тесно, – поморщилась Мария, – то чья-то пятка в нос, то чей-то кулак в глаз! Фу! А ты тут будешь спать один. Никто тебе не помешает! Давай я здесь тебе постелю?

– Ага, – соглашается Сережа и, гордо выпятив животик вперёд, входит в комнату к детям:

– Ага, – повторяет он слова тети, – вы будете тут спать все. Пятка – в нос, кулак – в глаз!

А я один – на больсом диване. Куда хосю – лука, куда хосю – нога. Как балан!

Ведь баронов двухлетний мальчик не знал, а баранов в деревне много, и они такие красивые!

Иногда, забрав дочь и племянников, Николай с Машей увозили их купаться на Дон или на Донец. Бывало, что просто отдыхали на природе. Красивые места есть на Дону. Ивушки, рябинки, берёзки. Стрекозы кружат над душистой травой, бабочки летают над полевыми цветами. Пахнет полынью и мятой. И воздух чистый, ароматный. А еда на природе такая аппетитная. Даже простая булочка кажется вкуснее всякого пирожного.

Жаль, что выходные у Николая и Марии часто не совпадали. В эти свободные дни он уходил, а вернее, уезжал на рыбалку. Рыбачил обычно с кумом или бабой Любой, соседкой. Она любила сидеть с удочкой даже просто на берегу Дона. Ну а если с соседом – это для неё вообще праздник. Идти пешком не надо. Уедут подальше от города, накачают резиновую лодку. Баба Люба для наживки побольше червей накопает, чтобы на двоих хватило. Николай подкормку припасёт. А потом хвалятся перед остальными соседями своим уловом. Ловили действительно неплохо. Брели только крупняк, а мелочь всю отпускали подрастать. Обязательно угощали желающих полакомиться свежей рыбкой.

Как-то после весенних паводков вода ушла, и в маленьких заводях «застряла» крупная рыба. Её обычно вылавливали руками. Коля с соседкой привезли двухметрового толстого сазана. Его даже взвесить было невозможно. Разделявали, как кабанчика, все соседи. Каждому что-то досталось. Но вначале мужики пытались рыбину обнять и сфотографироваться с ней.

Баба Люба жила вместе с сыном Петром. Его жена, тоже Люба, дружила с Марьяшей. У них подрастали пятилетний сын Олег и малышка Ольга. Дети часто играли с Наташей, по вечерам прибегали в гости. Олега Пётр рано научил плавать. Сын цеплялся отцу на шею, и они так переплывали Дон. Иногда вместе глубоко ныряли далеко от берега. Мальчишка не боялся. Он уже давно свободно плавал.

Мария и Люба работали в школе и вместе заочно учились в институте. Наступило время летней сессии. Детей на время сессии отправили к бабушкам. Наташу отвезли к родителям Николая, а Люба отправила сына с дочерью к своей маме в деревню. Олег любил помогать бабушке поливать огород. Пока она вместе с внучкой пропалывала грядки, мальчик маленьким ведёрком вычерпывал воду из большого железного квадратного бака и выливал её в густо растущую зелень.

– Какой шустрый у меня помощник, – хвалила его бабушка.

И вдруг она обнаружила, что внука уже минут десять не видит. Баба Люба стала его звать, но мальчик не откликнулся. Тогда она пошла его искать. И нашла... Мальчик плавал в баке с водой вниз лицом. Вода была красная. Бабушка схватила Олежку, вытащила его из воды. Он не дышал. На крик сбежались соседи. У ребёнка был окровавлен висок. Видимо, поспешив, мальчик поскользнулся, ударился головой об острый угол железной ёмкости и потом упал в воду. Спасти его не удалось. Мальчик, который умел плавать, нырять, не боялся глубины, утонул в небольшом баке с водой.

Когда по телефону об этом сообщили родителям, Маша поехала вместе с Любой, которая была в таком состоянии, что могла и не доехать до деревни сама. Но остаться с подругой не могла. Всей душой рвалась к своей Наташе, хотела убедиться, что с дочерью всё в порядке.

А девочке у бабушки с бабушкой было хорошо. Они во внучке души не чаяли, потакали всем её шалостям. Хотя она, в общем-то, и не шалила. С удовольствием копалась с дедом в огороде, пасла с бабушкой коров. Соседи принесли ей маленького щенка. Наташа назвала его Пушком. Она кормила его молоком из соски, купала, даже расчёсывала. Щенок к ней привязался, позволял играть с собой, как с куклой. Скулил по ночам, когда хозяйка ложилась спать. Пришлось щенка на ночь в дом пускать. Он укладывался у девочки под кроватью и затихал. Был он весь рыжий, как лиса, только намного пушистее и хвост крючком. Когда бегал, казалось, что шарик рыжий катится с яркими зелёными глазами.

Хотя некоторые деревенские ребята были постарше Наташи, она всегда была заводилой во всех играх, командовала мальчишками, защищала малышей. В этот раз девочка услышала крики подруг. Они визжали от страха и убегали от Антона. Старший брат гонялся за ними с крапивой в руке. Он хотел наказать сестёр, потому что те не хотели наводить порядок во дворе. Наташа сломала несколько стебельков крапивы и ринулась навстречу соседу. Она хлестала, мальчишку по рукам, попадала и по лицу. Тот не сопротивлялся, замер на месте.

– Больно ? Больно ? – орала пятилетняя девчонка. – Им тоже было больно ! Лучше сам начинай подметать, как старший!

Какую-то власть имела над ним эта вредная девчонка. Мальчик разозлился, отбросил в сторону крапиву, сжал кулаки, а потом развернулся и ушёл. Девочки вместе с Наташей взяли веники и начали мести двор. Тут появился Антон. Он притащил грабли и молча стал собирать мусор в кучу.

В ближайшие выходные к родителям приехал и Николай. После гибели соседского мальчика Олега Коля решил, что ему нужно оставить свою вахтовую работу и каждый день быть рядом с женой и дочкой. Деньгами молодой человек свою семью обеспечил. Квартира есть. Машина тоже. Теперь нужно беречь своё семейное счастье. Все родные его в этом поддержали. Но больше всего этому обрадовались Анна и Зинаида. У них созрел план, как можно забрать у Машки квартиру. Под руку подвернулось то, что в хуторе, где жила Зина, срочно требовался учитель математики.

– Поехали к нам в хутор! Тебе там квартиру дадут. Директор совхоза обещал, – звала к себе Машу сестра.

– А зачем мне это надо? У меня и тут работа любимая есть, – упиралась Маша, – тем более я не математик.

– Но математику-то ты хорошо знаешь. За меня в школе и техникуме все домашние задания по алгебре и геометрии выполняла. На физмате училась, – не уступала Зина.

– Один год, – смеялась сестра, – и вообще, знать математику и преподавать её – это разные вещи. И квартира мне в деревне не нужна. Меня она и в городе устраивает.

– А ты эту квартиру и не потеряешь, – выпучив глаза говорила старшая. – Сколько людей уезжают работать на север, а жильё сохраняют прежнее. Квартиру-то дадут тебе, а Коля может отсюда и не выписываться.

– Зина права, – хитренько поддерживала Анна. – Вы ведь сёстры, поэтому должны быть вместе.

– Зачем для этого ехать в хутор? Пусть они сами переезжают жить в город.

– Но у нас ведь здесь квартиры нет и не предвидится! – почти на крик переходила Зина, – а вам и там квартиру дадут, и тут останется.

Мария не соглашалась. Она действительно когда-то училась заочно на физмате, но, выйдя замуж, бросила институт.

– Хватит с тебя одного диплома, – утверждал тогда Николай.

Он не хотел отпускать молодую жену на сессии. Маша согласилась с мужем и забрала документы из института, а теперь училась заочно на начфаке. Работу свою любила. Взаимоотношения с коллегами и родителями учеников были прекрасные.

Иногда в школу она брала с собой Наташу. Там девочке нравилось. Она обзавелась новыми друзьями. С удовольствием играла с ними на переменах и мечтала стать школьницей. Девочка хорошо читала, считала, была любознательной, общительной. Несмотря на то что ей было только шесть лет, её приняли в класс семилеток. Она стала первоклассницей. Училась Наташа с удовольствием. Но больше всего стремилась в школу, чтобы пообщаться с одноклассниками. Часто приглашала их к себе в гости. Они играли и в доме, и во дворе. Девочка угощала детей сладостями. Она всегда любила делиться чем-то вкусеньким. Кто-то ест, а ей от этого сладко.

Шло время. В семье Марии царили мир и благодать. Но самые близкие, самые родные люди нередко желали ей зла, заранее выстраивали против неё свои коварные, алчные планы. Мать и сестра решили во что бы то ни стало забрать у неё квартиру. Пусть едет в хутор, пусть узнает все трудности деревенской жизни, а то уж очень легко ей всё удаётся. Почти год Анна с Зинаидой уговаривали Машу уехать из города. Поняв, что это бесполезно, они взялись за Николая.

– Хоть ты ей скажи, Коля, что она так упирается? Пусть бы о тебе подумала. Хватит мыкаться по командировкам. У вас же семья, – говорила тёща, – так вся молодость твоя мимо семьи в разъездах и пройдёт.

– Действительно, – подыгрывала ей Зина, – и тебе у нас в совхозе работа найдётся. Ведь ты сам деревенский и агроном по специальности. Да и вместе всем хочется быть. Когда ещё такая возможность представится? Уговори её, Коля. Она нас не слушает.

Стали уговаривать и Наташу:

– В деревне свежее молочко, овощи прямо с грядки, фрукты свои. И братья всегда будут рядом, – говорила тётя племяннице, – друзей много, но родственники – это самые близкие люди. Они должны быть вместе. А ещё там можно завести собаку, козочку. Ты хочешь, чтобы у тебя была собачка?

– Да! Маленькая, пушистая. – Глазки девочки засветились желанием прижать к себе щеночка.

– А цыплята какие хорошенькие, жёлтенькие, мягенькие... Помнишь, как ты у нас их кормила. А теперь и у вас самих могут быть такие, – продолжала тётя.

Николай и Наташа тоже стала уговаривать Машу уехать в деревню. К тому же теперь в школе ей предлагали взять первоклашек. Мария дала своё согласие и написала заявление на увольнение в городской школе. Её, конечно, немного поугovarивали, но свято место пусто не бывает. Много желающих на него сразу нашлось. Даже обрабатывать не пришлось. Летний отпуск у учителей большой.

В хуторской восьмилетке ей были рады. И квартиру предоставили хорошую, с большим садом и приусадебным участком. А вот для Коли подходящих вакансий не нашлось.

– Поработайте пока трактористом, – предложил директор совхоза, – а потом видно будет.

– Хорошо, – согласился Николай, он ведь никогда ни от какой работы не отказывался.

Перевезли на новую квартиру некоторые вещи. Мария сделала себе прописку по месту жительства. Начался новый учебный год. И тут Анна стала настаивать, чтобы Николай тоже выписался из квартиры.

– Раз уж вы переехали, то сдавайте ордер на городское жильё, а то мне из моих низов никогда не выбраться. Город маленький, и, если вы не сдадите свою квартиру, мне улучшения своих жилищных условий не видать.

– Почему мы должны терять городское жильё? – возмутилась Мария. – Мама, ты же сама говорила, что мы можем оставить за собой эту квартиру!

– Мало ли что я говорила! Вы, как собаки на сене, – продолжала мать, – и сами в квартире жить не будете, и другим не даёте. Сдавайте ордер!

– Зачем? – как бы в противовес Анне говорит Зинаида. – Вам просто нужно будет свою квартиру поменять на мамину, а потом просто мамину оставить. Зачем нам жильё в низах? Правильно я думаю?

– Вообще-то, да. Я согласна, – подхватила Анна.

– А где мы будем жить, если надумаем вернуться? Ведь у Коли там работы нормальной нет, – возразила Маша.

– Ну так вы всё равно знаете, что это ваша квартира, – заверила Анна, – вернётесь и будете жить вместе со мной. Вы же меня не выгоните?

Что делать? Работы в городе у Марии уже нет. И в деревне бросить школу в начале учебного года нельзя. Переписали квартиру на Анну и наивно надеялись, что при желании смогут вернуться назад. А зря. Махинация с квартирой у Анны с Зинаидой удалась.

Глава 2 . Беда приходит внезапно

Переезд на новое место жительства совпал с началом перестройки в стране. Люди были в панике, не знали, что будет дальше. Полки магазинов опустели. Трудно было найти новую работу. У Николая от тряски на тракторе стала болеть спина. Он пошёл кочегарить. Такое занятие его, конечно, не устраивало. Денег в семье хватало, но ему было неприятно, что жена теперь зарабатывает больше него. Коля стал настраивать Марию на возвращение в город.

И Наташе в деревне не нравилось. Все лучшие друзья и подружки остались в городе. С сельскими знакомыми ей было скучновато. Может, они были и хорошие, но какие-то чужие.

– Хорошо, – согласилась Мария. – Едем назад. Мама же говорила, что мы в любой момент можем вернуться в свою прежнюю квартиру. Будем жить вместе с ней. А работу там всё равно найдём.

– Нет! – наотрез отказала Анна, – Раньше нужно было думать. Теперь эта квартира по закону только моя. Если я возьму вас, то Зиночка может обидеться. Она ведь тоже моя дочь. Может, я лучше её возьму к себе. Ну а вы продавайте свою машину и покупайте себе жильё, где хотите!

Ошеломлённые и обиженные, поехали Маша с Колей обратно в хутор. Наташа по дороге плакала:

– Как бабушка могла говорить такое? Она нас что – совсем не любит?

Если продать машину и добавить деньги, собранные раньше, то всё равно на покупку нормального жилья в городе не хватит.

– Да, машину продавать буду, – решил Николай, – но не сейчас. Поеду снова в «Мостострой» устраиваться. Подзаработаю денег. Может, тогда и на покупку квартиры хватит.

Мария чувствовала себя виноватой. Это из-за неё и её родственников Николай попал в такую ситуацию. Это её мама просто отняла у них квартиру. Теперь придётся отказаться и от машины. А Николай так любил свой автомобиль! Кучу запчастей приобрёл, хотя ещё и не ремонтировал ни разу. Он оборудовал в гараже яму со ступеньками и светом. Всё время что-то проверял, смазывал.

Уволился с работы Машин муж и поехал в Ростов. Ему повезло. В «Мостострой» его приняли. Даже бригада осталась прежней. Скучно стало по вечерам в доме Марии. Ведь Николай теперь стал в семье редким гостем. Да и по хозяйству хлопот прибавилось. Земли много. Всё нужно прополоть, грядки полить, урожай собрать, закупорить на зиму. Ведь деревня – не город. Всё должно быть своё. Поэтому держали кур, поросят, козочек. Отдыхать было некогда. Наташа во многом помогала матери. На игры времени почти не оставалось.

Как-то Николай приехал с работы необычно для последнего времени счастливым. Ему, оказывается, в Ростове от организации квартиру дать обещали. Продали машину, да и так уже денег подсобирали. Будет за что обустраиваться на новом месте. Больше всех этой но-востю обрадовалась десятилетняя Наташа. Она давно хотела вернуться жить в свой родной город. Но Ростов – это намного лучше. Девочка об этом даже не мечтала. Она помнила, как четыре года назад ездила в областной центр с родителями. Там её водили в кафе, кормили какой-то вкуснятиной. Потом все гуляли в парке, посетили зоопарк. Девочка сама кормила зверей яблоками, грушами. А лебеди прямо из рук брали хлеб.

– Папа, а мы будем в зоопарк ходить, когда в Ростове жить будем? – спросила дочь.

– Сначала квартиру получить надо, потом переехать туда, – ответил отец, – а тогда уж ходите с мамой по паркам, театрам и куда вам захочется.

Счастье и благополучие, казалось, возвращалось в семью. Николай снова начинал себя чувствовать хозяином своей жизни. Наташа по-детски строила планы, как она на новом месте жительства будет проводить свои летние каникулы. Маша потихоньку начала паковать ненужные в ближайшее время тёплые вещи и тоже размышляла о предстоящем переезде. А Николай, дав надежду семье на переезд, отправился в очередную командировку. Бригаду Николая направили ремонтировать мост через Волгу в город Калинин. Перед майскими праздниками он должен был вернуться назад. Мария настояла на том, чтобы муж взял с собой побольше денег. Ведь там недалеко до Москвы. А молодой человек в столице был очень давно. И если, конечно, повезёт побывать там, то пусть ни в чём себе не отказывает.

К 25 апреля мостостроители уже выполнили все намеченные работы, и билеты домой были на руках. Но появилось ещё одно задание. Руководство продлило командировку. Ребятам пришлось остаться ещё на пару дней. Как обычно, все вышли на работу, пригнали с собой технику. Мост полностью не перекрыли, поэтому иногда пропускали людей и общественный транспорт. Вот и теперь прошёл только что автобус. Затем класс школьников отправился, видимо, на экскурсию. Ребята из бригады остались работать внизу, Николай полез наверх. Он управлял краном, который стоял на середине моста. И вдруг пролёт, на котором стоял кран, треснул и полетел вниз. Ребята оказались в холодной воде Волги. Они были травмированы, но каждый смог выбраться на какую-то платформу. Вытащили и самого тяжёлого, у которого был повреждён позвоночник. Помощь пришла не скоро. Ребятам пришлось находиться больше двух часов в холодной воде. Когда, наконец, приехала «скорая» и хотели увезти первым Николая, тот отказался:

– Везите сначала Александра. Ему хуже. У него что-то со спиной.

«Скорая» забрала парня с травмой позвоночника, а затем и всех остальных.

Марию на работе позвали к телефону. Звонили из организации мужа. Женщина сразу заподозрила неладное. Она как-то неуклюже прикоснулась к связке бус, и они с грохотом рассыпались по классу.

– Если бы что-то нужно было Коле, он заказал бы переговоры по почте или телеграмму бы прислал, – говорила она коллеге.

Пока шла к телефону, коленки дрожали, подкашивались, в горле от волнения пересохло.

– На работе с бригадой вашего мужа произошёл несчастный случай, – раздался чужой голос в трубке, – все живы. Если можно, за вами заедет машина. Она уже в пути. Вас самолётом отправят в Москву. За Николаем нужен уход.

– Да, жду. Приезжайте, – ответила она каким-то незнакомым для самой себя голосом.

Наташа с мамой пришли домой, чтобы взять необходимые вещи и документы.

– Мама, ты ведь меня здесь не оставишь? С собой возьмёшь? – спрашивала дочь. – Я мешать не буду. Я так хочу увидеть папу.

В деревне слухи расходятся быстро. У калитки уже стояли сестра и мама, которая в это время гостила у старшей дочери. Мария с Наташей вошли в дом, чтобы собраться в дорогу. За ними последовала Зина. Анна осталась сидеть на лавочке. Подъехала машина. Маша выскочила на улицу:

– Сейчас. Я только возьму с собой кое-что, и поедем.

– Не нужно куда-то ехать, – осторожно произносит мужчина, – Коля умер.

– Как? Нет! Мне сказали, что нужен уход. Я поеду.

Маше казалось, что глаза её вылазят наружу. В голове всё гудело. Наступила темнота. Когда Маша открыла глаза, рядом на лавочке сидела Зина. Пахло нашатырным спиртом.

– Наташа идёт, – заметил один из присутствующих мужчин.

Десятилетняя девочка выходила из дома. Маша испугалась за дочь. Ведь та очень любила своего отца. Нужно было её как-то подготовить. Но сил для этого и возможностей она в себе

не чувствовала. Тело было какое-то каменное. Обнять и пожалеть своего ребёнка она сейчас не могла.

– Наташе пока не говорите, – попросила Мария, – я потом скажу сама.

– Да, конечно, – услышала она в ответ.

Но когда девочка подошла ближе, Анна что есть силы заорала:

– Ой-ой-ой, Наташа, твоя мама, как и я, теперь осталась вдовой! Как мне было тогда трудно одной с детьми! Как мне было тогда плохо и тяжело!..

– Я же просила не говорить, – прошептала Мария и рванулась к дочери, но в глазах всё потемнело снова.

Наташа вся съёжилась и убежала в дом. А Анна продолжала орать и причитать, рассказывать всем, как трудно ей жилось, не обращая внимания на то, что её дочь потеряла сознание, а внучка, узнав о смерти отца, сбежала. Открыв глаза, Маша снова устремилась к дочке. Та сидела в углу за диваном и плакала. Тётя Зина хотела обнять племянницу, но та кинулась к своей матери:

– Это неправда! Они ошиблись!

Мама и дочь обнялись и плакали. Папа больше не обнимет их, не прижмёт к себе, не сядет рядом. Он не будет играть с любимой доченькой, не будет дарить своим родным тепло, ласку...

Оказалось, что у Николая была большая потеря крови и сильное переохлаждение организма. В больнице ему решили сделать переливание крови, но кровь свернулась. Все ребята, кроме него, выжили. И даже тот, у которого была травма позвоночника.

Слушая всё это, Мария с Наташей плакали, прижимаясь друг к другу, и молчали. Обе не могли вымолвить ни слова.

– Куда тело привозить? – спросил один из приехавших мужчин.

– В город, на их прежнюю квартиру, – сразу вступила в разговор Зина, – в городе у нас папа похоронен.

Ребята вопросительно посмотрели на Марию. Та кивнула в знак согласия. Она сейчас ничего решать не могла.

– А ещё нужно дать телеграмму родным Коли, – продолжала сестра.

– Мы сами сейчас телеграммы отправим, – заверили мужчины, – о похоронах не беспокойтесь. Организация всё возьмёт на себя. А вас мы можем сейчас отвезти на ту квартиру, а заодно и узнаем, куда потом приезжать.

Они посадили в машину Машу с дочкой, Анну и поехали. Следом за ними отправились и Зинаида с мужем. Ночью приехали родственники Николая.

– Так, – сказал его дядя, – Колю будем хоронить у нас. Мы, все родственники, так решили.

– А тут жена и дочь, – возразила Зина.

– Они правы, – вступилась за дядю Мария, – делить его тело я не собираюсь. Там все его родственники, а я и Наташа туда ездить будем.

– Ты что, Маша, – возразила Анна, – он ведь твой муж. Имеешь право.

– Вот поэтому я и согласна. Его родителям и другим родственникам сюда приезжать будет сложно, а мы с Наташей всегда доберёмся.

Колина родня немного успокоилась. Они думали, что им придётся бороться за тело.

Мария была как бы в полусне. Её постоянно поддерживали элениумом. Много она не понимала, часто всё забывала. Наташе в этот момент пришлось очень трудно. Ей казалось, что она спит и ей снится какой-то кошмарный сон. Она сейчас проснётся, и всё будет, как прежде. Но этот страшный сон не проходил. Девочка чувствовала себя совсем одинокой, никому не нужной. Хотя мама всегда была рядом, но с ней почти не разговаривала. Всё делала молча и плакала, плакала.

У Наташи уже слёз не было. Она никого не интересовала. Вокруг было много людей, но у них были свои заботы. Даже когда приехали к бабушке Шуре, её как будто не заметили. Маша говорить ни с кем не могла. Даже дочь обнимала просто молча. Казалось, челюсти были чем-то скованы, да и всё тело словно чужое.

После похорон к Маше подошли из руководства «Мостостроя»:

– Какая помощь вам нужна?

Мария отрицательно покачала головой.

– Вы за пенсию по потере кормильца не беспокойтесь, – продолжал мужчина. – Мы сами всё оформим и через три месяца привезём документы.

Мария и Наташа снова отправились в хутор, где жила Зинаида. О переезде в Ростов пришлось забыть. Теперь им там жильё никто не предоставит. А просить об этом самим – это значит использовать смерть мужа. Нужно было хоть как-то продолжать жить, работать, воспитывать дочь. Из глаз Марии почти всегда текли слёзы. Жаль было мужа. Молодой, здоровый, энергичный. Ему бы жить да жить. О себе не думала. И, если слышала за спиной от односельчан слова сочувствия, злилась.

«При чём тут я? – кричало у неё всё внутри. – Я ведь дышу, хожу. Я жива, здорова. А вот его больше нет».

Николай как бы слышал её мысли. Он стал ей являться и днем, и ночью. Во сне она мужа видела больным, бледным и слабым. Маша пыталась ему чем-то помочь, но он вставал и уходил в какую-то дверь, которая захлопывалась перед её носом. Наяву она помнила, конечно, что мужа нет, но он постоянно был рядом. Слышны его шаги, и даже видно его, как в прозрачном фильме. Ей не страшно. Раз он здесь, значит, ему это надо. Значит, ему тут хорошо. Она мысленно общалась с ним, спрашивала совета по любым вопросам. Ответы появлялись у неё в голове. Мария говорила о своих ощущениях родственникам. Те слушали и отмалчивались. Иногда советовали сменить обстановку.

Наташа оканчивала начальную школу. Ни с кем почти не общалась. Даже с мамой. Дома всегда была тишина. Наступило лето, приближалось время последней сессии в институте. Маша отвезла дочь к свёкрам и поехала сдавать государственные экзамены. За хозяйством и домом вызвалась присмотреть сестра. Сессия прошла, как всегда, удачно. Экзамены сдавала с лёгкостью, всё на отлично, но мужа чувствовала рядом всегда.

Получив диплом, Маша поехала за Наташей, а потом они вместе вернулись домой. Мария вошла в гараж. Он был пуст. Женщина пошла к сестре:

– Зина, у меня кто-то из гаража всё украл. Ты ведь помнишь, сколько там было запчастей от машины? У Коли всё было разложено по полочкам. А наборы столярных и слесарных инструментов, станок по дереву, лодка надувная! Ведь все стены были завешаны инвентарем. А теперь ничего нет. Пусто. Нет даже ящичков с гвоздями. Ни одного молотка, ни отвёртки, ни топора. Мне, наверное, участковому сообщить нужно. А замки, представляешь, целые.

– Никуда не обращайся, – сказала сестра, – мы всё к себе перевезли. А зачем тебе теперь все эти вещи и инструменты? Ведь теперь у тебя мужа нет – некому этим пользоваться. Если тебе нужно будет что-то сделать, попроси Геннадия. Он поможет.

– Но мне же теперь и гвоздь забить нечем, – растерянно произнесла Маша, а до вас больше километра идти.

– Ну и не забивай. Без тебя забьют, – махнула рукой Зина.

Теперь, когда Маше нужна была какая-то помощь, ей никто не отказывал, но и не помогал.

– Потом сделаю, – всегда говорил Геннадий, – видишь, мне некогда.

Во дворе у сестры стали расти горы стройматериалов.

– Зачем это вам? – спросила Мария.

– Я задумал расширяться. Пристройку к дому делать буду, – сказал Гена, – вот запасую кое-что.

Через пару недель по пути из магазина перед Машей останавливается машина директора совхоза.

– Ну как, Мария Андреевна, у вас ремонт продвигается?

– Какой ремонт? – удивилась она.

– Да Геннадий же сказал, что вам ремонт необходим. Я ему разрешил брать для этого нужные стройматериалы. Вы не стесняйтесь, говорите, что ещё нужно. Ведь вы моих детей учите. Они вас любят, да и родители уважают, – продолжал директор.

У Маши на глаза навернулись слёзы.

– Ну, я не буду вас расстраивать. Просто, если что нужно – говорите.

Мария пошла к сестре.

– Откуда у вас эти стройматериалы? Мне директор сказал...

– Да, – прервал её Геннадий. – Это твои. Какая разница, на каком дворе они лежат? Мы же родня. Но что ко мне во двор попало, то уже никуда отсюда не уйдёт. И зачем они тебе? У тебя и так в доме много места. А у нас семья. Нам расширяться надо.

– А зачем ты сказал директору, что это для меня?

– Так мне бы он и не дал, – засмеялся Генка, – а тебе, видишь, не отказывает.

Маша опять заплакала и ушла. Больше появляться у сестры она не стала. Жила она на другом краю села, поэтому легко было не попадаться друг другу на глаза. Узнав обо всем этом, Наташа как-то по-взрослому сказала:

– Мама, нам нужно в милицию заявление написать. А то они будут в совхозе воровать, а на нас пальцами показывать.

Мать и дочь обнялись, как подружки. Теперь они друг для друга и опора, и защита. Больше рассчитывать не на кого.

Но почему-то скоро к ним в гости приехала Анна. Она стала звать переехать жить к ней в город младшую дочь с внучкой. Это Зинаида её уговорила:

– Надо Машку из хутора пока убрать. А то пойдёт, нажалуется на нас, и неизвестно, что потом будет.

А Наташу с Марией и уговаривать не надо было. Они с радостью собрались и уехали к Анне, на свою прежнюю квартиру. Нужно было в городе искать работу. К тому же прошло уже три месяца после смерти мужа. Руководство «Мостостроя» обещало, что они сами оформят документы на пенсию по потере кормильца, но почему-то молчали. Маша решила съездить, узнать сама.

В «Мостострое» её направили в отдел кадров. Там сидел толстый пожилой мужчина. Он принял женщину неприветливо.

– Что же ты так долго думала? Все документы готовятся в течение трёх месяцев. А теперь всё. Поезд ушёл. За первые три месяца ты уже ничего не получишь, а всё остальное оформляй по месту жительства. Но, если ты не дура, может, и за эти месяцы какую-то компенсацию выбьешь. Только нужно это делать через суд.

– Как? – пыталась возражать Мария. – На похоронах мне обещали, что всё сделают сами и документы через три месяца привезут...

– Дома тебе не нужно было сидеть. Под лежачий камень вода не течёт. Тут, деточка, каждый занят своим делом. Ну, ладно, – наконец сжалился кадровик, – приезжай через неделю, привези эти документы, – он протягивает Маше список, – может, что-то и придумаем. Но это будет не больше тридцати рублей в месяц.

Маша уехала, собрала все нужные документы и решила сходить к юристу. Хотела узнать, как себя вести. Молодая девушка-юрист, повернувшись на крутящемся кресле, достала с полки маленькую книжечку и как бы наугад раскрыла её.

– Вот здесь сказано, – ткнула она пальчиком в страницу, – что вам должны назначить пенсию по потере кормильца, если несчастный случай произошёл на рабочем месте, в размере половины среднего месячного заработка.

Мария записала данные книги, которой руководствовалась юрист, и снова отправилась в Ростов. Обо всём этом она рассказала кадровику.

– Да откуда Вы это взяли? Какой-то сельский юрис-тишко знает больше нас? – возмутился мужчина. – Если мне не верите, поехали к нашему юристу в обком профсоюзов. Он вам всё объяснит.

– Поехали, – тихо согласилась Мария.

Но двери кабинета, куда её привезли, были закрыты.

– Ну вот, – довольно улыбнулся кадровик, – не повезло. Поехали назад. Я Вас на вокзал завезу. А через недельку сюда ещё приехать попробуем.

– Нет, – настаивала Маша, – не может быть, чтобы был только один юрист в обкоме профсоюзов.

– Да, есть ещё на восьмом этаже. Только туда так просто не попасть. Записываться надо заранее, – убеждал молодую женщину кадровик.

– Давайте попробуем сейчас. Вдруг нас примут? – Мария решительно направилась к лифту.

Мужчина в растерянности поплёлся за ней. Как ни странно, в приёмной очереди никакой не было. Их сразу приняли. Маша, не дожидаясь, пока заговорит кадровик, сама рассказала о своём деле.

Сидевший в кресле мужчина в это время в упор смотрел на кадровика, а потом уверенно произнёс:

– Даю вам два дня. Если вы за это время не выплатите все деньги за первые три месяца и не оформите пособие, как надо, я сам займусь вами. Вы меня поняли?

– Да, конечно, – кротко согласился представитель «Мостостроя».

Выйдя в коридор, он смахнул пот со лба и сказал Марии:

– Приезжайте послезавтра. Мы всё сделаем. Только больше никуда не ходите.

– Хорошо, – спокойно, почти шёпотом ответила женщина.

Удивлению и возмущению Зинаиды не было предела, когда она узнала, что сестра получила больше тысячи рублей за последние три месяца и, согласно документам, теперь на дочь будут выплачивать ежемесячно по двести пятьдесят рублей:

– Тут работаешь, работаешь, как проклятая, – негодовала сестра, – и в месяц больше ста рублей не зарабатываешь! А ей ни за что ни про что такие деньги! Вот дела, как сажа бела. Везёт же людям!

Она как бы забыла, что отца у ребёнка уже нет. И никакими пособиями это не исправишь. По молодости Зина часто и сама о себе говорила:

– Глаза у меня завидующие, руки -загребущие.

А Наташа уже немного восстановила свои силы после потери папы. Может быть, этому поспособствовал переезд в свой родной город, в свою квартиру, встречи с подругами, друзьями. Но подавать документы в школу, где училась раньше, она отказалась:

– Ты там работала и будешь, наверное, работать. А я хочу учиться, где меня никто не знает, – заявила она маме.

Девочке хотелось самостоятельности, и не желала она ощущать сочувствие преподавателей. Мария была не против. Тем более другая школа, куда хотела идти будущая пятиклассница, находилась в центре города. Совсем рядом там жила Колина двоюродная бабушка.

До начала учебного года Наташу забрали погостить в деревню папины родители. Они были довольны, что их внучка теперь снова живёт в городе и получает приличное пособие за

отца. Девочке нравилось бывать в деревне у дедушки с бабушкой. Там она научилась ездить верхом на лошади, доить корову. А ещё она скучала по Пушки.

Пёсик подрос, но оставался таким же шумным, по-движным. Он не давал покоя соседским кошкам. А вот своего Мурзика не трогал. И почему-то подружился с козой. Они, видимо, поделили между собой территорию двора. Пушок считал себя главным в палисаднике, а коза была хозяйкой хоздвора. Любимым делом Милки было вскочить, как по ступенькам, с крыши на крышу хозпостроек на самый высокий сарай, приподнять правую переднюю ножку и, гордо задрав головку, наблюдать за окрестностями.

И вдруг она замечает, что Пушок вошёл в её владения и что-то там вынюхивает. Непорядок. Поворачивается коза, бьёт копытом и с победным и довольно угрожающим криком, наклонившись лбом немного набок, мчит вниз и гонится за собакой. Пушок, поджав хвост, с визгом убегает через открытую калитку в свой двор. Пробежав так метров десять, собака останавливается, и поворачивается к Милке. Та тоже останавливается, оглядывается вокруг и понимает, что это уже не её двор. Теперь Пушок рычит, бегаёт вокруг козы и гонит её со своей территории. Милка выскакивает в свои владения, опять пробегает метров десять, а затем поворачивается и гонит собаку. Так они могли бегать друг за другом около часа под хохот хозяев. Потом, уставшие, охрипшие, ложились отдыхать, и обязательно у калитки, бок о бок, чтобы шерсть их соприкасалась. Лежали, смотрели друг другу в глаза и засыпали. Только через калитку уже никто не мог пройти.

Пока Наташа гостила в деревне, Мария пыталась найти себе работу поближе к своему дому. В школе, где она работала раньше, вакансий учителя начальных классов не было.

– Вы знаете, – сказали ей бывшие коллеги, – в педучилище, кажется, нужен человек в отдел кадров. Сходите туда.

И тут Мария поняла, что не зря раньше не бросала работу вопреки настояниям мужа. Некоторые преподаватели педучилища были родителями её бывших учеников. Они сами пошли к директору и стали настойчиво предлагать Машину кандидатуру. Её приняли сначала инспектором отдела кадров, а спустя некоторое время назначили начальником этого отдела. Так же по совместительству предложили вести часы некоторых методик.

Всё складывалось лучшим образом. Одно Машу беспокоило – Коля постоянно был рядом. Она ощущала его всегда.

– Гони его, – советовала свекровь, – это не Коля. Он бы не приходил и не мучил тебя. К нам же он ни к кому не приходит. И будь внимательна и осторожна. Если это какая-то нечисть, то она забирает жертву с собой.

Эти слова как-то насторожили Марию.

– Ой, ты такое выдумываешь, – говорила ей мать, – такая молодая, здоровая, а мелешь какую-то чепуху.

Но с Машей стали твориться непонятные вещи. Выходит, например, она из дома, вставляет ключ в дверной замок, слышит щелчок, а потом – ещё один. И она, как в сказке, оказывается далеко от дома. С полкилометра прошла! Но как? Позади улицы, светофор. Как дороги переходила? Ничего не помнит. Сразу глядит на часы – прошло минут пять. По времени она действительно дошла до этого места, но как во сне. Марии становилось после таких моментов страшно. Помощи просить не у кого. Она понимала, что Наташа кроме неё никому не нужна. Что будет с девочкой без матери? По спине шёл холодок. Обратиться к врачу – отправят в психушку. А потом и работы совсем можно лишиться. Что делать? У неё не только отключалось сознание днём, когда она продолжала двигаться, ей стало часто не хватать воздуха. Казалось, что-то большое, мягкое и тяжёлое сидело на плечах. Маша чувствовала себя усталой, рассеянной. Она была в замешательстве.

По телевизору часто передавали выступления Кашперовского, Чумака. Люди над ними подсмеивались, но перед телевизором, то ли из-за любопытства, то ли из-за надежды на что-то,

садились. Это как-то отвлекало всех от трудностей перестроечной жизни. Мария во всё это, конечно, не верила. Да и гипноз на неё никогда не действовал.

В тот раз она находилась дома одна. Голова была тяжёлой. Ноги какие-то ватные. Ощущалась огромная слабость в теле. Маша села в кресло перед телевизором, чтобы отдохнуть. Снова показывали Кашперовского, звучал монотонный голос экстрасенса. Ей всё равно, что он говорит. Нужен был его голос. Он почему-то придавал ей силы. Мария представила, что это её голос. Он исходил откуда-то изнутри и убеждал, что всё, что мешает ей жить, уходит, уходит и её муж... Силы прибывают. Дышится легко, свободно... Маша расслабилась, почти погрузилась в сон. Ей стало уютно, хорошо.

В дверь неожиданно позвонили. Это была соседка. Когда она ушла, Мария снова села в кресло, чтобы отдохнуть. Но почему-то усталость прошла.

«Ведь у меня несколько минут назад не было сил, – подумала женщина. – Что-то изменилось? Кажется, да».

На душе было спокойно. На плечи ничто не давит... Как ни странно, сниться Николай перестал. И днём она его не ощущала и не видела. Что это было? Гипноз или самовнушение? Но болезнь как рукой сняло.

Часть 3 .Новые друзья и новые приключения

В новой школе Наташе понравилось. Дружила и с девочками и с мальчиками . Многие из них жили неподалёку, и дети шумной оравой частенько возвращались после уроков домой вместе. По вечерам играли в волейбол, футбол. После окончания пятого класса дети договорились попросить своих пап и мам отправить их в близлежащий летний лагерь, который находился в двадцати километрах от города. Мария согласилась отпустить дочь. Ведь она там будет не одна, а со своей компанией. Путёвка была только на две недели и родители решили по очереди навещать ребятшек.

Лагерь находился в живописном месте на берегу Дона. Дети, уехав из дома, почувствовали себя повзрослевшими, самостоятельными. Они сразу нашли лазейку в заборе и в свободное время тайком уходили, как говорили, на свободу. Они гуляли по лесу, собирали цветы, плели веночки, иногда купались в ещё прохладной воде. Ведь только начался июнь.

На этот раз девочки ушли довольно далеко от лагеря. Было жарко. Решили искупаться. Берег Дона в этом месте был высоким. Сначала над водой возвышалась круча около трех метров, а внизу намывло течением узкую песчаную полосу. Сверху было видно, что за этой площадкой снова шёл обрыв.

– Вот здорово! – воскликнула Наташа .– Да здесь можно нырять сразу с берега!

Она сбросила с себя халатик, съехала вниз на попе и сразу нырнула в быстрое течение. Вода оказалась очень холодной, и девочка , вынырнув, сразу поплыла назад. Её подружки потихоньку опускались вниз, снимали с себя одежду.

Подплыв к берегу Наташа поняла, что выбраться из воды будет непросто. Ноги дна не доставали и руки скользили по илесто-глиняному обрыву. И тут она ощутила, что пальцы ног упираются в какие-то скользкие, но прочные отверстия в склоне под водой. Ухватившись за травинку и оттолкнувшись ногами об эти странные дырочки, Наташа стала пытаться выбраться на берег. Может, ей это и не удалось бы, но девочки стали помогать. И тут она услышала истерический вопль одной из подружек :

– Змея! – орала та . – В воде змея!

Казалось, что волосы встали дыбом. Наташа и не поняла даже, как взлетела по высокой круче вверх. Девочки карабкались следом. Она машинально тащила подруг за руки.

Внизу у самой кромки воды плавала, извиваясь, полутораметровая змея. Если бы не было так страшно, то все могли бы заметить, какая она красивая. В солнечных лучах переливалось её чёрно-белое тело. Она была похожа по раскраске на шахматную доску, только головка малень-

кая, чёрненькая. Видимо, эта гадина не так давно кого-то проглотила, поэтому в середине казалась толстой. Она не уплывала и не ныряла. Очевидно, её вспугнула Наташа, упиравшись ногами в змеиные норки, в которых были отложены яйца. Теперь змея караулила обидчиков, защищая от них своё потомство.

Из всех девочек только Наташа бросила свой халатик наверху. Остальные раздевались, опускаясь к воде. Теперь их платица, халатики, шорты и майки лежали недалеко от змеи. Как им в одних трусиках возвращаться назад? Девочки вооружились камешками и стали бросать их в воду. Иногда даже попадали в цель. Но змея не уплывала.

– Наташ, сходи в лагерь и принеси нам одежду, – попросила Верочка, – а мы тут подождём.

До ужина оставался час. Если вовремя не вернуться, то всем, обязательно, здорово влетит.

– Я не успею. Давайте вместе пойдём, а потом я вам к изгороди притащу что-то одеть.

Так и поступили. А после ужина пришли и забрали брошенные вещи. Змеи уже не было. Больше девочки не ходили на такие прогулки.

Одноклассницы ещё долго частенько говорили об этом происшествии. А Наташа в это время вспоминала, как жутко ей было и страшно в тот момент, когда она услышала, что у неё за спиной находится змея, которая может быть уже летела вдогонку, раскрыв свою пасть для укуса. По телу снова бежали мурашки. Девочке было стыдно за свою трусость, за то, что она так боялась этих гадов. И почему она такая трусиха? Даже изображения змей на страницах книг теперь вызывали у девочки неприятные ощущения.

Осенью в школьный танцевальный коллектив делали новый набор. Желающих попасть в него было немало. Девочек не только просили повторять некоторые движения, но и предлагали пройтись по сцене, как зайчик, как лисичка, как мышка, как петух... В результате взяли только трёх. Среди них оказалась и Наташа. Танцы девочке дали многое. Изменилась походка, появилась уверенность в себе, головку держала гордо, не стеснялась взглядов окружающих. С ней стали здороваться незнакомые люди, которые видели её на сцене. Мальчики посматривали на неё с особым интересом, но Наташа этого не замечала. Она любила играть в футбол, прыгать в воду с лодки, переплывать Дон с друзьями наперегонки. В это время она боялась, что об этом узнает мама. Ведь тогда её одну Мария не будет отпускать на пляж. А ей так хотелось свободы!

На другой стороне Дона был прекрасный безлюдный пляж. Он находился на острове, который омывался старым руслом реки. Катера, баржи и теплоходы там не ходили. Течение было медленнее, вода теплее, поэтому и нравилось детворе купаться в этих местах. А ещё на золотистом рыхлом песочке они с удовольствием занимались гимнастикой: делали сальто, ходили колесом, садились на шпагат. Тело Наташи было гибким, талия тонюсенькая. Выполняя такие трюки, она ощущала необыкновенно радостное восхитительное чувство полёта. Слегка кружилась голова то ли от этих упражнений, то ли от любопытных и довольно одобрительных взглядов одноклассников.

Времена в России наступали тяжёлые. Полки в магазинах были пусты. Деньги обесценились. А те, что лежали в банке, просто заблокировали. Всё, что раньше было заработано Николаем, практически, пропало. Пособие по потере кормильца оставалось таким же, хотя цены на многие товары выросли в сто раз.

Российское оружие распродавалось, уничтожалось. Многие военные на этом делали целые состояния. Понятие «Родина» совершенно поменяло смысл. Ребята перестали стремиться в армию. Теперь защитником быть стало не модно. Куда круче выглядели бандиты, рэкетеры. Они казались надёжней в глазах молодых девчат, чем простые парни.

А Наташа из ребёнка превратилась в настоящую красавицу. Яркие большие голубые глаза с зеленоватыми прожилками, слегка волнистые пушистые длинные волосы цвета пшеницы. Волосы за лето выгорали и становились почти белыми. Реснички длинные, густые, правда,

светлые. Она рано сложилась как девушка. В свои двенадцать лет выглядела на пятнадцать. Тонкая талия, высокая пухленькая грудь, длинные, стройные ноги. Кожа золотистая, гладкая.

На девочку и раньше обращали внимание, называли красавицей. Мария часто отпускала дочку в разные школьные туристические поездки по городам страны, но как-то сама поехала с ней на пару недель в семейный пансионат у моря. Летом на танцы собирались взрослые и дети. Приходила и местная молодёжь. Наташа очень любила танцевать, всегда выдумывала какие-то новые движения. Когда девочка скакала на дискотеке среди сверстников, её окружали со всех сторон местные ребята, которым было уже по восемнадцать-двадцать лет. Они хватали девочку за руки, заглядывали в лицо, мешали танцевать. Маша была в шоке. Ведь кавказцы – очень горячий народ. После танца дочь возвращалась к маме, садилась рядом, опускала голову ей на колени и отдыхала. Один за другим подходили кавалеры, приглашали девочку на медленный танец. Наташа не просто отказывала им, она грубила:

– Отстань!

– Отцепись!

– Исчезни!

Мальчики двенадцатилетнюю девочку ещё не интересовали.

– Что они ко мне пристают?! Забодали! – жаловалась она маме.

Во избежание неприятностей Маша перестала ходить с дочерью на такие мероприятия. И на школьные экскурсионные поездки больше не отпускала.

Потом были настоящие признания в любви от восьмилетнего мальчика. Он приехал со своей мамой в гости к соседям. Дети сначала просто играли вместе, но вскоре Толик начал лезть к Наташе с поцелуями. Девочке было это противно. Она отталкивала ребёнка. Взрослые ругали её:

– Он ведь маленький. Он просто с тобой играет, а ты его обижаешь!

– Он слюнявит меня! Лезет целоваться! Я с ним играть не буду! – раздражённо выкрикивала девочка-подросток.

С подружками она убегала от новоявленного ухажёра. Девочки набирали побольше камешков и, когда мальчик преследовал их, бросали в него эти маленькие булыжнички, чтобы малыш отстал. Толик отскакивал от ударов и громко кричал:

– Наташка, дура, я тебя люблю!

А перед отъездом заявил:

– Я вырасту, приеду и женюсь на тебе! А если ты на другом женишься, то я его зарэжу, себя зарэжу, тебя зарэжу! Поняла?

Он кричал это, стараясь заглянуть ей в лицо, хватал за что попало. Наташа резко отталкивала ребёнка и убегала.

Маша вела с дочерью беседы, говорила, что нельзя так грубо поступать с мальчиками, которым она будет нравиться. Отказывать нужно, но не так грубо...

– А как? – спрашивала её девочка. – Ведь они по-другому не понимают!

В школе у неё тоже стали появляться поклонники. Кто портфель её рядом тащит, кто шоколадкой угощает, кто мороженое предлагает. Девочке это стало нравиться. Но дружить с мальчиками она не желала.

Старший сын Зинаиды приехал в город поступать в педучилище. Жить хотел вместе с тётёй Машей и бабушкой. Анна была категорически против:

– Пусть живёт на квартире, а к нам в гости будет ходить.

– Но ведь мальчику ежедневно нужна нормальная еда, да и присмотр, – возражала Маша, – пусть живёт с нами.

На самом деле своего первого внука Василия Анна обожала. Отказывалась от него, чтобы ввести в заблуждение свою младшую дочь. Зинаида требовала, чтобы мать выставила Марию из дома. Нужен был повод.

– Пора от Машки избавиться, – говорила она матери, – пусть уходит на квартиру, а это жильё оставим Ваське. У Машки денег много, проживёт как-нибудь. А то понравилось жить на твоей шее!

Анна сначала немного сомневалась. Ведь свою пенсию она отдавала Зиночке, а продуктами и всем необходимым её обеспечивала младшая дочь. К тому времени квартиру Анна уже приватизировала. Вернее, Мария собрала все документы и оформила жильё на мать.

– Я же пенсионерка, – объясняла Анна, – значит, будут льготы на коммунальные услуги.

На самом деле было всё равно, на кого жильё оформляется. Собственниками становятся те, кто прописан в квартире на время приватизации. Но Зинаида это во внимание не брала. Она уже представляла, как лично будет распоряжаться квартирой, собственниками которой являлись мать и Мария в равных долях. Наташа во время оформления документов была несовершеннолетней.

Василий в педучилище звёзд, как говорится, не хватал, но учился неплохо. Тем более, что его родная тётя была начальником отдела кадров в этом учебном заведении. Преподаватели относились к мальчику благосклонно. Племянник часто приводил домой одноклассников. Мария Андреевна их всегда непременно подкармливала.

Классный руководитель Василия как-то сказала Маше:

– У меня все ребята в группе в твою Наташку влюбились. Она действительно вся из себя. Как говорится, ноги от ушей.

Мальчики на самом деле с интересом посматривали на Мариину дочь и оказывали ей всяческое внимание. Но был в группе Василия лидер – Андрей. Он был старше на год одноклассников, умнее. Хотя дело было не только в этом. Какая-то энергетика была у него, которая притягивала к себе окружающих. Недавно Андрея бросила любимая – его бывшая одноклассница. Не просто бросила, а после десятого класса вышла за другого – богатого, состоятельного, намного старше неё. Паренёк переживал, в одиннадцатый класс идти отказался, поступил в педучилище. Вот тут он и обратил внимание на Наташу и попросил Васю посодействовать ему в этом амурном деле. Как говорится, клин клином вышибают.

– Не жалко, бери, – с радостью согласился Машин племянник.

Ему очень хотелось подружиться с Андреем, и путь к этой дружбе лежал через сестру. Но по своей глупости Василий рассказал тёте Маше о несчастной любви друга и о том, что парню нужны новые отношения.

– Пусть Наталья с ним повстречается. Что ей стоит? Парню нужно помочь, – сказал он Марии.

– Ты вообще думаешь, о чём говоришь? – возмущалась она. – Ты хочешь свою сестру отдать, чтобы залечить чью-то рану? Нашёл «скорую помощь»!

– Ну что тут такого? – не унимался парнишка.

– Так, – строго сказала Мария, – забудь про это навсегда. Я не позволю распоряжаться своей дочерью! И пусть твой дружок больше близко к ней не подходит.

Мария опасалась за дочь. Ведь ей было только тринадцать лет и о встречах с мальчиками ей было думать ещё очень рано. Андрей мог легко вскружить ей голову, поиграть, «залечить» свою рану и бросить. Девочка ещё ни с кем не встречалась, и портить ей жизнь Маша не даст. На всякий случай она поговорила с дочерью, обо всём ей рассказала, и та, конечно, перестала смотреть в сторону Андрея.

А он, всегда весёлый, немного блатной и самоуверенный среди одноклассников, при виде Марии превращался в кроткого ягнёнка, чтобы казаться тихим, безобидным мальчиком. Василий стал жаловаться бабушке, что из-за Наташи у него не ладятся отношения со сверстниками.

– Ладно на кого-то, но на Андрея она могла бы обратить внимание, – говорил он бабушке.

А у Анны была такая особенность – она не могла любить и понимать всех близких. У неё обязательно должен был быть один, кто ей дорог. А кто ему мешает – враг. Когда-то у неё не

хватило душевных сил, чтобы полюбить свою вторую дочь. Если младшая была в чём-то лучше и удачливее Зиночки, мать злилась и начинала ненавидеть Марию. Ей хотелось всё хорошее у неё забрать на правах матери и отдать старшей дочери. И с внуками произошло то же. Ей дорог был только один – Василий. В этом случае причиной Васиных неудач стала Наташа.

– Что ей, трудно повстречаться с Васиным другом? – выговаривала она Маше. – Так и в девках засидится, и никогда замуж не выйдет!

– Мама, о чём ты говоришь? Девочке только тринадцать лет. Она ещё ребёнок. И какой он Васе друг?

– Вот и не друг из-за твоей Наташки! – не унималась Анна. – Ты с ней всё сюсюкаешься, а она давно выросла. И пусть не ставит Василию палки в колёса. А то собирайтесь и уходите отсюда. Я буду жить с Васей.

– А куда же мы пойдём? Ведь эта квартира такая же твоя, как и наша, – глядя матери в глаза, сказала Мария.

После этого разговора жить продолжали вместе, но отношения разладились. Бабушка часто придиралась к внучке по любому поводу. Говорила ей, что она с мамой тут никто. Как жандарм, следила за тем, как Наташа поддерживает чистоту в доме и порядок во дворе. Каждый день она проходила по квартире, проводила рукой по мебели, подоконникам, даже по всем уголкам – проверяла наличие пыли. И, когда замечала хоть какой-то беспорядок, поднимала шум:

– Твоя дочь лентяйка! Она ничего не делает! – кричала Анна.

– Мама, она хорошо учится, уборкой занимается. А вот Вася мог бы иногда за собой постель заправить.

– Ещё чего не хватало! Он студент! У него и так забот хватает! – продолжала ругаться Анна. – И еду ты готовишь однообразную. Надо в день готовить по пять-шесть блюд!

– Но ведь я работаю на две ставки и всех вас кормлю. В холодильниках всегда полно еды. Выбирайте и ешьте, что хотите. Я, когда дома, всегда накрываю стол, – отвечала дочь.

– А когда тебя нет, твоя Наташка не торопится меня накормить!

– Но ты же сама можешь взять, что хочешь. Ты же гулять ходишь, – говорила Маша, – порядок в доме и на улице контролируешь.

– Ты ещё мне указывать будешь, что мне делать? Я – МАТЬ! Ты уважать меня должна!

Почти каждый день в доме были подобные ссоры. Бабушке очень хотелось, чтобы Мария ругала и наказывала свою дочь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.